

**«Мы помним!
Мы гордимся!»**

Валентина Георгиевна Невдах – человек с непростой судьбой, всю жизнь проработала в педагогике. Ужасы военного лихолетья, смерть родных, боль и страдания легли на плечи хрупкой шестилетней девочки. Именно об этом рассказала Валентина Георгиевна, чтобы помнили и не забывали, чтобы не повторились ужасы той страшной войны. Каждое произнесенное слово отзывалось болью в сердце и слезами на глазах. Свой рассказ Валентина Георгиевна начала строками стихотворения собственного сочинения.

Фашист у границы воной нам грозит,

Эта страшная война, скоро к нам она пришла.

Белорусская земля удар первой приняла.

И пошел фашистский гад наши земли топтать.

Родилась в деревне Заводный Лес. Это в Слонимском районе. У нас была большая дружная семья. Корни нашей семьи в Польше. Дедушка работал в Слониме в семинарии, купил землю моему отцу в Слонимском районе. Отец, Георгий Филиппович Карпюк, тоже окончил семинарию и остался работать учителем. Перед войной четверо детей из нашей семьи уже ходили в школу, а мы с младшей сестрой Раей еще нет, но все, что учили старшие дети, мы знали. Отец все приносил нам из школы. У нас были грифельные доска, бумага. Но когда началась война, все оборвалось. Фашисты сожгли живьем отца и маму, и двух сестер Нину и Марию. Маме было 38 лет, а отцу 48.

Наша деревня расположена среди леса, у нее и название соответствующее. Когда началась война, все наши леса были заполнены солдатами, отставшими от частей. Они очень часто приходили к нам, отец с матерью подкармливали их, лечили. Папа знал много трав, у него была «кладовая», сам варил лекарства. Один такой солдат прожил у нас всю зиму, потом жил в городе Бресте и работал начальником милиции. Стали возникать партизанские отряды, в Заводном Лесе их было четыре. Партизаны тоже обращались к отцу за помощью. Приходили ночью, часовые с собакой стояли на посту. Так как он был грамотным человеком, он писал для партизан приказы, оформлял документы. В деревне был житель Федорчук, его жена даже крестила меня, так вот он сдал нашу семью. Сказал фашистам, что отец был партизанским связным. Фашисты свирепствовали, решили уничтожить деревни вместе с жителями.

Утром 22 августа 1942 года мы встали рано, мама нас одела и отправила в лес. Мне показалось, что был густой туман, только потом я поняла, что это горели крайние дома. Над лесом кружили самолеты, периодически стреляли. Было очень страшно. В лес ушли я, младшая сестра Рая, двенадцатилетняя Вера и брат Петя, ему было восемь лет. В лесной чаще мы просидели до

вечера. В доме остались мама, папа и сестра Нина. Они успели выбросить из дома две подушки, портрет, а на портрет положили икону. Все это лежало возле самого пожарища, наверное, Бог уберег. Портрет сестра носила с собой всю войну, и сохранила. В лесу к нам прибежала сестра Мария. Она увидела, что мама одела нас во все новое, решила вернуться домой, чтобы переодеться в новую одежду. Так и не вернулась. Всю семью расстреляли. Бросили в сарай и сожгли. Отца нашли сразу, а мама пролежала еще недели две. Так мы остались одни.

Нет ни мамы, нет ни папы, нет ни дома, ни родни.

В целом мире мы одни.

Пять, шесть лет и восемь год – кому нужен лишний рот.

Люди нас принимали, но добра мы не знали.

Боже наш сохрани от такой доброты.

Вечером пошли домой. *На пожарище видна от печи одна труба.* Все. Что осталось от нашего дома.

Спали ночь мы ту в стогу, были мы словно в аду.

Лай собак, коров мычанье, гарь сожжѐнных тел людей.

Мы пошли в деревню Чижики, там жил раньше дядя Миша. Дядю Мишу, его жену и троє детей оккупанты тоже расстреляли. Когда шли через лес, нас поймали немцы. Привели к маяку, там уже было пятнадцать детей, видно хотели куда-то увезти. Когда вели к маяку Петя сумел спрыгнуть в какой-то ров, его не нашли. Три дня мы сидели голодные, есть не давали. Первый раз подошла Рая, немец дал кусок хлеба. Второй раз ударил. Вера была у нас боевая, в школе училась не очень хорошо, но легко могла оседлать лошадь, любому мальчишке давала отпор. Когда Вера увидела, что немец спит, схватила нас и мы убежали. Когда мы добрались в Чижики, туда следом пришли немцы. Немец, который нас стерег, узнал Веру и забрал в дом. Который потом немцы подожгли. А нас с Раей спрятали люди в доме в яме под шкафом. Через какое-то время нас разыскал дядя Архип – хороший знакомый нашей семьи, он даже был крестным у кого-то из наших детей. Мы жили у него в деревне Ривда. Однажды дядя Архип поехал на место нашего дома. На огороде он и обнаружил полуразложившийся труп мамы, мама была на последнем месяце беременности.

У дяди Архипа я прожила до марта месяца. Нужно было зарабатывать свой кусок хлеба. У дяди Архипа сын погиб на фронте, невестка умерла. Остались два внука. Их надо было кормить. Меня отдали одинокой женщине в Косово. Женщина была очень жестокой. В деревне ее дразнили «Янка-маланка».

Условия были ужасными. Работала до изнеможения. Женщина уходила из дома на три, четыре дня. А меня голодную оставляла одну. В доме было очень холодно, и чтобы как-то согреться, спала в сарае с коровами тили в будке с собакой. Заставляла у соседа воровать дрова. Он ругался «прибью твоего щенка». Брат с сестрой не раз пытались забрать меня оттуда. Они в соседне деревне пасли коров. Однажды Янка, так звали ту женщину, отвела меня в комендатуру и велела мне сказать немцам, что мою семью расстреляли партизаны, чтобы получить спички и соль. Для этого она меня удочерила и дала свою фамилию. Но я честно сказала, что родителей и сестер расстреляли немцы. Запомнилось еще, что у этой женщины был брат полицай, он жил во второй половине дома. Так у него душа была добрее, он часто подкармливал меня. Кормил меня кашей на улице. Она прятала меня от родственников, но, когда закончилась война, брат все-таки выкрал меня и отвез в детский дом.

Девять лет я прожила в детском доме. Мы с сестрой Раей тяжело болели, у нас была трахома. Очень сильно болели глаза, боль такая, как будто глаза выворачивает. У Раи болезнь протекала сложнее, поэтому ее отправили в специализированный детский дом в Томашовке. Но война дала о себе знать и в детском доме. Однажды мальчишки нашли какой-то взрыватель. Играли с этой штукой, а она взорвалась. Тогда пострадало четверо детей, мне оторвало пальцы на руке. О происшествии не стали распространяться, администрации не нужны были лишние неприятности. Я имела группу как инвалид детства, но это никак не было связано с войной. Пока я была в детском доме в Бресте, а сестра в Томашовке, мы все время переписывались и договорились поступать в Брестское педучилище. И поступили. После окончания педучилища вместе с сестрой нас распределили работать в деревню Дубновичи Столинского района. Там я отработала восемь лет. Там вышла замуж, мужа направили работать в Лунинец и я приехала с ним.

У нас с мужем было трое детей. Старший сын Игорь живет в далеком Кемерово, дочь Татьяна – в Лунинце. Младшие дети у нас были двойняшками. Однажды мы всей семьей ехали на мотоцикле, и попалив аварию. Тогда погиб наш Генка...

Помнится еще один случай про папу. Кого-то из нашей семьи укусила бешеная собака. Мама настаивала, чтобы убили ее. Мы маленькие стали плакать и просить «не надо, не надо». А папа вырыл яму, постелил солому и посадил туда собаку, а маме приказал варить ржавое железо с мясом. Так собаку и вылечили.

Стихотворение, написанное Валентиной Георгиевной, в котором отражена вся ее тяжелая жизнь.

*Фашист у границы войной нам грозит,
Белорусская земля удар первый приняла.
И пошел фашистский гад нашу землю топтать.
Бомбил наши города, жег деревни,
В них людей, не жалел он и детей.
Август месяц, сорок второй –
Стал для хуторка он роковой.
Над хуторком ложится тень,
Слышны крики, слышен плач,
Это зверствует палач.
Все село стоит в дыму.
Мама в лес на проводила, все стояла да крестила.
Видно Бога молила нас спасти от беды.
Этот мамин силуэт будем помнить мы весь век,
Все стоит в наших глазах.
Потемнело, шли домой, дома нет.
На пожарище видна от печи одна труба.
Спали ночь мы ту в стогу,
Были мы словно в аду.
Лай собак, коров мычанье,
Гарь сожженных тел людей.
Утром к дому подошли –
Нет ни мамы, нет ни папы, нет родни,
В целом мире мы одни.
Пять, шесть лет и восемь год –
Кому нужен лишний рот.
С сумой по миру пошли.*

*Люди нас принимали, но добра мы не знали.
Боже нас сохрани от такой доброты.
Годы кончились войны –
В детский дом нас забрали.
Детский дом, детский дом заменил нам дом родной.
Но ложимся только спать,
На кровати слышен плач.
Папу, маму дети ждут, а они к ним не идут.
Здесь росли мы, подрастали, пионерами стали.
Красный галстук на груди.
Очень Родину любили.
Ведь она для нас второй матушкой была.
Мы росли, подрастали, комсомольцами стали.
И настала пора улетать из гнезда.
Очень – очень нелегки были первые шаги.
Спотыкались, поднимались, по жизни дальше мы пошли.
Жизнь наладили свою,
Но родные места не забывали никогда.
Хуторок наш хуторок весь израненный войной,
Возродиться ты не смог.
Травы раны затянули, лист ковром укрывал.
Жизнь идет здесь лесная,
Волк хозяин да бобры запрудили все пруды.
В самом центре села есть могила одна.
В той могиле лежат партизан и солдат.
Много мирных людей.
Очень много там детей.
В той могиле лежит и отец наш родной,
Их учитель дорогой.*

Родители Валентины
Георгиевны.

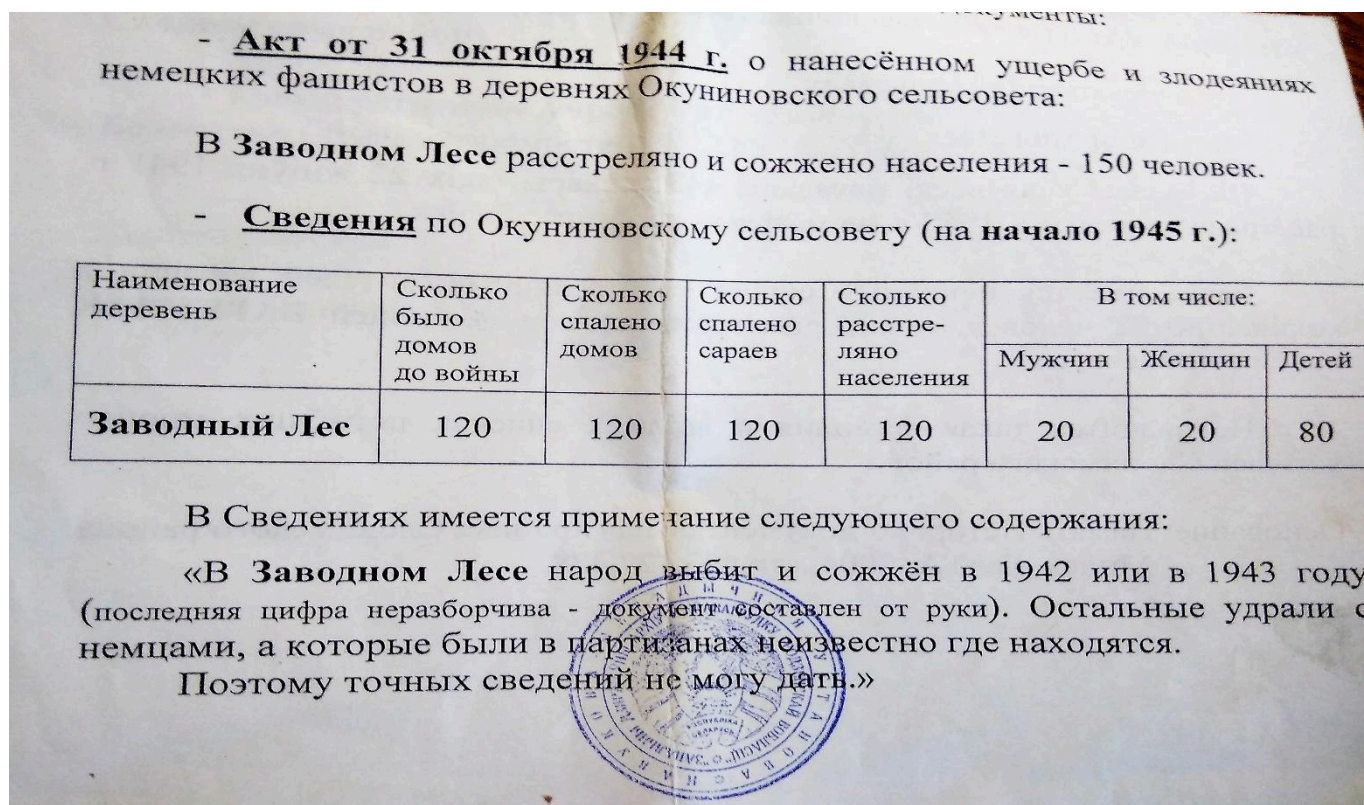
Та самая фотография,
которая уцелела после
пожара, бережно хранится
в семье.

Валентина Георгиевна
с сестрой Раей была
неразлучна всю жизнь.
Во время учебы в
педучилище.

В детском доме с
подругами.

Документ, который выдали Валентине Георгиевне, свидетельство об уничтожении родной деревни.

Родные места забыть нельзя. На месте трагедии в деревне Заводный Лес установлен памятник невинно сожженным людям.

